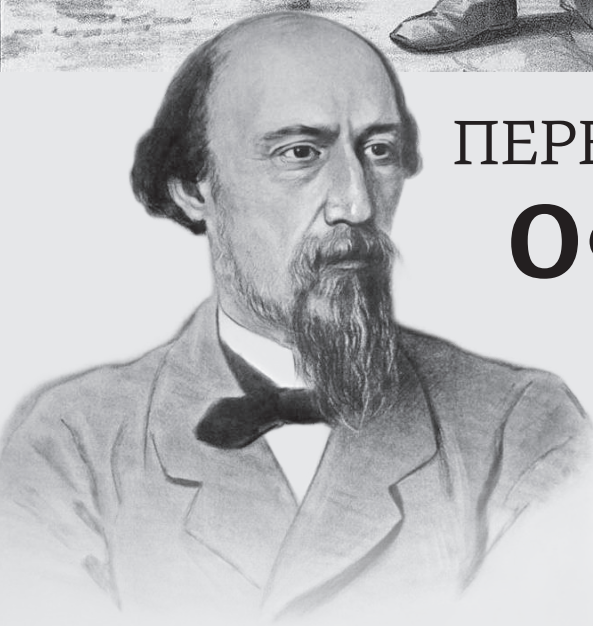

Михаил ВОСТРИКОВ
г. Санкт-Петербург

ПЕРЕЧИТЫВАЯ НЕКРАСОВА... ОФЕНИ

*«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы, и парча...»*

ПРОЛОГ

Перед вами не обычный рассказ, а небольшое беллетризованное эссе, художественное исследование, своеобразный синопсис, задел на более объёмное произведение по мотивам поэмы Н.А. Некрасова «Коробейники». Авторская версия происхождения уникального российского явления — офеней, с их «феней» — впоследствии языком криминала и тюрем. По ходу обратим внимание на некоторые особенности свидания лирических героев — Вани и Катеринушки. А то ведь столько лет поём «Коробушку», а их не замечаем...

ОФЕНИ

В начале августа 1858 года рядом с селом Шода Андреевской казенной волости Костромского края на тёплом солнечном взгорке сидели двое «ранних» офеней-ходебщиков высокого разряда, носивших «панский» («красный») товар, молодой и старый — Ваня и Тихоныч. Село было как на ладони, и купол древнего храма Покрова Богородицы в лучах солнца горел золотом.

С офенями, которых все называли коробейниками, были два их немалых короба на ручных тележках, но с ремешками, носить их на плечах. Короба были уже неполные... и в них лежало всё то, женское, без чего никакие женщины не могли существовать нигде и никогда: булавки, платки, ленты, ткани, белила, любчики (любовные талисманы), лубки и многое другое.

Запрещённые старообрядческие иконы — «краснушки» и «подокладницы» с двоеперстиями, исконно славянскими надписями «ІС.ХС.» и строго восьмиконечными крестами, со дна коробов, заранее аккуратно там уложенных и скрытых от чужих глаз тряпочками, офени уже продали, втайне завернув в заветные лесные скиты кержаков, и этим основную кассу своего нынешнего торгового предприятия, можно сказать, сделали, чем были чрезвычайно довольны. Остальное в коробах было уже их сверхприбылью и, в некотором смысле, развлечением.

Одеты офени были шикарно: брюки (плисовые шаровары), рубахи, жилеты, поддевки из тонкого сукна, шелковые кушаки, манишки, галстуки и козловые сапоги. Всё ярких расцветок, пошитое из «заморских» тканей, которые офени частью прикупали, а частью выменивали в дальних краях.

Между собой офени говорили на своём особом и только им понятном языке — «фене», впоследствии ставшим языком всего российского криминала — по фене ботать.

— Тихоныч, а биряй шуτρο ширманку откулаем, всеводни нетар, мастыра ефесь... (а давай утром ярмарку начнём, сегодня нет, дело есть...)

В Шоде они намеревались устроить «офенскую ярмарку» (интенсивный короткий торг) с оставшимся товаром. Село было большое, богатое, и женщин в нём жило много.

КТО ОНИ, ОФЕНИ?

В Шоду Ваня и Тихоныч пришли из села Алексина, сто пять дворов — родины российского офен-

ства. Это в Ковровском уезде Владимирской губернии, рядом с Палехом и Мстерой.

Откуда офени там взялись? А пришли когда-то на жительство из разгромленного киевским князем Святославом Игоревичем древнего Хазарского каганата. Да, сам каганат как государство прекратил существование, но народ-то остался... Именно народ, со всеми свойственными ему признаками — свой язык, уклад жизни, компактное проживание и так далее.

Хазарский каганат был единственной в истории человечества нееврейской страной, где ортодоксальный иудаизм стал государственной религией. А кладезью любой религии являются священные тексты и устное предание. То есть языки, сильно похожие на еврейские — иврит и идиш, знали как минимум все ребе каганата и правоверные пистевоны, то есть абсолютное большинство населения. И ничего особенного... в своё время из Византии на Русь, чтобы участвовать в крещении, тоже пришла миссия тамошних попов с возами священных книг на греческом языке, после не совсем точно переведенных на церковнославянский, что и привело к Расколу.

Этим и объясняется наличие в офенском языке преобладающего количества слов на идиш: лох, фрайер, гешефт, бан, шухер, шмон, хиять и других. Впрочем, за столько лет к «фене» много каких слов ещё прилипло и продолжает прилипать, уже как к языку тюрем — русских, немецких, французских... А в древней его основе, да, идиш, конечно.

Офени давно уже были не иудеями, а православными христианами. «Офёст», это крест на «фене», а значит, «офеня» — это просто крещёный человек. Такой вывод сделал Владимир Даль, тщательно изучавший «феню» непосредственно в Алексине на предмет создания её словаря, так и не изданного.

И жили теперь офени так...

С мая по конец июля они трудились на своих полях как обычные крестьяне. Но прокормиться этим на бедной подзолистой почве Ковровщины было затруднительно. И несколько неурожайных лет подряд привели к тому, что после сбора скудного урожая эти потомки хазарских иудеев банально отпраивались на заработки — и не руками работать, как русские крестьяне в «отхожих промыслах», а гораздо выгоднее — торговать по всей России мелким товаром, «ходить» с коробами со всякой всячиной по дальним местам. Отсюда «ранние» офени — начиная с августа, и «поздние» — с октября.

Но был у офеней и основной, тайный товар — старообрядческие иконы и литература. Раскол же случился на Руси... И такой спрос образовался на «запрещёнку»... вот и наполняли его предложением, кстати, весьма успешно. И не они одни, кого только потом не было в книгоношах. Так под вывеской народа офеней образовалось крупное профессиональное сообщество, которое просуществовало вплоть до появления железных дорог, когда проще стало ездить, чем «ходить».

Офени не были в крепости, а были государственными крестьянами и поэтому не подвергались произволу помещиков. Уже к десяти годам каждый мальчик-офеня владел чтением, письмом и счетом. Без этого торговать было никак нельзя. В солдаты офени сроду не ходили, откупались.

Избы офеней были крыты не соломой, как у крепостных, а тесом. Наличники на окнах и ворота их усадеб были изукрашены искусными резными узорами. Необычным было и наличие в офенских избах горшков с цветами на подоконниках и занавесок на окнах. В каждой избе обязательно стоял начищенный медный самовар. И вообще, обстановка внутри офенских изб была весьма опрятной.

На воротах усадеб можно было увидеть прибитые пучки ковыля, знак того, что хозяин-офеня побывал в дальних странствиях. А у некоторых были прибиты на воротах даже рога северных оленей. Ареал странствий офеней действительно потрясал.

В дороге на них, бывало, нападали разбойники, которые могли их ограбить и даже убить. Поэтому «ходили» офени гуртом, минимум по двое. А не «ходить» они уже и не могли, привыкли, хотя каждый мечтал о тихой старости на семейном подворье с мелочной лавочкой где-нибудь в Костроме.

Селяне офеней ждали, но относились к ним с подозрением, опасаясь (и не без основания!), что те обманут с ценой или продадут некачественный товар. Поэтому могли запросто их обругать, побить и выгнать из села. Так не попадайся, офеня, на мошенстве и бегай быстро!

ВАНИНЫ ПЛАНЫ

Ваня был молодым красавцем офеней девятнадцати лет от роду. Тонкие «семитские» черты лица, высокий, стройный, улыбчивый, смоляные кудри из-под дорогого картуза, модная одежда, сильные руки, длинные ноги... Бегло читал, красиво

писал, мгновенно складывал и вычитал в уме трёхзначные цифры. В общем, удалец!

Он начал «ходить» с малолетства. С шести лет отец уже брал его в дорогу, где он терпел много горя. Пинки, таскание за волосы, побои сыпались в изобилии, и мало-помалу он ко всему такому привык, зачерствел, окреп и сделался способным легко переносить всяческие лишения.

В Шоде жила Ванина зазноба, красивая молодая черноглазая девушка из крепкой кержацкой семьи по имени Катериноушка, на которую у него имелись виды не только романтического, но и матримонимального свойства. Попросту говоря, Ваня хотел жениться на Кате.

Они коротко познакомились год назад при таком же «приходе» офеней в Шоду, понравились друг другу, обменялись несколькими фразами, а остальное за них сделало пылкое юное воображение. И вот... уже любовь! Ничего такого, как у всех тогда.

Ну не век же ему «ходить»! Молодой-молодой, но Ваня уже хорошо понимал, что «ходить» могли и другие, а он, с его смекалкой и ловкостью, сидя на месте при семье и торговой лавочке, мог неплохо ими руководить — закупать «правильный» товар, намечать маршруты следования, ладить с властями и даже платить подати.

Вообще, женщин у Вани было много. Но путешествуя по России, он благоразумно не связывался с безмужними юницами, за порчу которых их суровые отцы с братьями могли и прибить кольями. Да и зачем? Считай, в каждом селе обязательно находилась разбитная вдовушка или солдатка, которая была не прочь на ночьку-другую подпустить к своему горячему телу молодого красавца офеню, получив взамен памятное колечко, серёжки или что другое.

С Катериной было не так. Сходилось всё — большое и богатое село рядом с Костромой, в нём молодая и никем пока не тронутая красавица с богатым приданым, позволяющим реализовать заветную мечту о купечестве. И его Катя, похоже, действительно любила.

«Но высватают же её раньше меня, как пить дать, высватают! И уведут, пока я «хожу», — так думал Ваня.

И надо сказать, не без оснований. Хороших невест всегда и везде была нехватка. И уже не откладывая он начал действовать...

— Эй-й, хлопчик, ты чьих будешь? — это Ваня мальцу на улице Шоды. — На-ка вот тебе пряничек

медовый, сбегай до Катеринушки, шепни ей на ушко, мол, Ваня-коробейник пришёл, ждёт её к ночи, где ржаной клин с берёзовой рощицей сходятся.

Невероятно! Позвать безвинную девушку из семьи старообрядцев на свидание в ночь... Но что мы знаем о тогдашних нравственных правилах?

СВИДАНИЕ

*«Парень с девушкой целуется,
Просит цену набавлять...»*

А потому что за бесконечной торговлей и хождениями к деревенским вдовишкам никакого опыта романтического общения с молоденькими барышнями у Вани не было. Да он и не нужен был, всё же тогда за молодых решали родители — выбирали невесту, сговаривались с её родителями, высватывали, играли свадьбу... Всё по древним обычаям и установлениям, ни шагу в сторону. А молодые просто слушали и делали, чего старшие говорили.

А тут... настоящее романтическое свидание с далеко идущими планами на девушку! И как же ему на нём было себя вести? Как с вдовишками, раз-два и в дамки? Очевидно, нет! А как? Да как, как... Как уж выйдет, отступить было некуда.

И потомственный торговец Ваня, пока ждал Катеринушку в условленном месте под берёзками, рядом с высокой и густой рожью, разложил на чистую рогожку весь товар из своего короба. А пусть берёт, чего захочет, хоть и вообще всё, для неё ему ничего не жалко! Как говорили своим любимым женщинам его знакомые евреи: «Я люблю тебя больше денег...»

И выглядело это весьма внушительно, как на ярмарке.

Тёплый летний день катился к закату, Ваня волновался и неожиданно для себя... заснул. Проснулся он уже в сумерках от того, как ему показалось, что рядом прозвенел хрустальный колокольчик — раздался негромкий девичий смех. Ну так и слава богу, пришла, желанная!

Дщерь сия, девица сущи, отроковица чюдного домышления, зеленою красотою лепа, бела велми, ягодами румяна, червлена губами, очи имея черны великы, бровми союза и млечною белостию облиянна.

Катеринушка действительно была чрезвычайно хороша собой! Вполне уже сформировавшаяся ми-

лая и стройная девушка шестнадцати лет от роду. Русые волосы, огромные чёрные глаза, тонкая талия, перехваченная красивым ремешком, волнующая линия девичьей груди. В отличие от смуглого Вани, настоящая беляночка-костромичка, снегурочка.

Ваня так растерялся...

— Ну, здравствуй, Ваня! — радостно сказала ему Катя, глядя на разложенный товар. — Всё коробейничаешь? — и дальше, игриво. — Поведай, что сколечко стоит? Но денешек у меня нет, по-сему могу с тобой по-другому расчесться. Поцелуями пойдёт?

А ошарашенный её явлением Ваня всё молчал...

— Молчишь? Тогда я сама назначу цену! Вот перстенёк бирюзовый, лепый, так и быть, един разик за него тебя поцелую.

— Добавить бы надо, хозяйюшка, — наконец разморозился Ваня, подхватив лукавую игру девушки. — Цену за него платил немалую. Да не торгуйся ты, не скупись... Два раза пойдёт? Добре! Подставляй-ка губки алые!

И началось...

Целая штука ситца с фабрики... Просил за неё три поцелуя, сторговались на два, кои тут же были ему и выплачены. Лента алая для кос, поясок для рубахи, подвязывать её на сенокосе. Эти даже по одному пошли, — Катя отчаянно, но бережно с Ваней торговалась.

Ах-х, какая же это была восхитительная торговля. Сладкое томление до помутнения рассудка... Бесконечное наслаждение!

В перерывах, когда уже и сил никаких не оставалось, отхлёбывал Ваня глоточек сладкой водочки, полуштофик которой Катя принесла с собою, но сама только пригубила, закусывал сыром и копчёной колбасой, кои тоже в его коробе имелись, и силы вновь приходили. Так и уговорил всю бутылку, прямо из горлышка.

Невероятно, девушка пришла на свидание со своей бутылкой водки! Но из песни слова не выкинешь...

В итоге продал Ваня всё, что было у него в коробе, и несколько не пожалел, оно того стоило.

«Ах-х, как легко будет теперь пустой короб тащить, ремешок плечи не будет резать», — пронеслось в голове.

И вдруг...

Катеринушка погрустнела и тихо сказала:

— Потешились, и полноте. Ничего не возьму, кроме вот этого бирюзового перстенёка на память

по тебе. Не хочу и не буду без тебя, сердечного дружка, нарядная ходить.

И Ваня понял, пора от приятных игрищ переходить к серьёзному:

— Э-э-э, постой-ка грустить, Катеринушка! У отца своего, знаю, ты любимое дитя, а мне будешь просто любимая невестушка! И вот тебе моя нерушимая клятва: нынче уж «дохожу», опорожнится короб, приду домой на Покров и сразу тебя, душа-зазнобушка, поведу в Божью церковь под венец, жди!

В общем, они поладили! А что и как у них при этом происходило, знала только глубокая ночь и высокая спелая рожь, которая, свято храня эту тайну, к утру уже вся распрямилась!

ОФЕНСКАЯ ЯРМАРКА

*«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»*

— Эва, Тихоныч! — утром Ваня растормошил своего старшего товарища, заночевавшего в стогу свежего пахучего сена на поле под селом. — Похилеям на ширманку ширговать, ширговля востмарить немияшит! (Пойдём на ярмарку торговать, торговля ждать не будет!)

— Я уж думал, ты пропал! — спросонья проворчал старый Тихоныч, почему-то на русском. — Спал ли ты вообще ночью, торговец хренов? Ты как торговать-то с утра собираешься, коли бабой и водкой от тебя за версту разит?

— Да я тут ситцы ночью продавал! Обмыли маненько, — хохотнул Ваня, тоже переходя на русский. — Ничё, на том свете отосплюсь, добре всё будет, кваску вот выпью...

* * *

Благодаря умению «заговаривать зубы» офени могли продать практически любую вещь, даже самому прижимистому покупателю. В Америке их бы назвали «коммивояжёрами», а в новой России «напёрсточниками», знавшими сотни, а то и тысячи разнообразных присказок, прибауток, стишков и песенок. Весело, шумно!

Торгуя, офеня постоянно ими сыпал. Театр одного актёра! Устав, замолкал один, начинал другой, и так по кругу, практически не повторяясь. И этой

«музыке» их учили с детства. Недаром же они сами себя называли не офенями, а «музыками».

Выражаясь современным языком, офени за много лет интуитивно выработали и активно применяли в своём торговом ремесле практические приёмы воздействия на подсознание покупателей манипулятивных технологий агрессивного маркетинга.

Ну а как это прикажете называть, когда взрослый образованный человек в здравом уме и при твёрдой памяти, немного послушав эту плутовскую «музыку», доставал из кармана кошелек и за рубли покупал у офени копеечную и совершенно ненужную ему дрянь. Или, позже, играл в напёрстки, в том числе и в долг... Все они, очухавшись, говорили потом о каком-то вдруг накрывшем их наважде-нии.

Вот и сейчас Ваня с Тихонычем разложились товаром на прилавке под козырьком на базарной площади Шоды. И началась натуральная офенская ярмарка на два голоса без оркестра:

— Зачали-почали поповы дочери.

— В нашей палатке нет нехватки! Духи и помада, кому чего надо?!

— Уж ты пей до дна, коли хошь добра, а не хошь добра, так не пей до дна.

— А это вот город Париж, не доедешь — угиришь.

— А это вот Летний сад, там девушки гуляют в шубках — в юбках, в тряпках-шляпках, зеленых подкладках. Юбки на ватках, пукли фальшивы, а девицы плешивы.

— Шляпка ежового пуха, носить дамам для духа.

— Сорок кадушек солёных лягушек.

— Материя маремор с Воробьиных гор.

— Шкап красного дерева, и тот в закладке у поверенного.

— Красного дерева диван, на котором околевал дядюшка Иван.

— Два ухвата да четыре поганных ушата.

— Пять коз да мусору воз...

— Вот моя книга-раздвига. В этой книге есть много чего, хотя не видно ничего. Тут есть диковинная птичка, не снегирь и не синичка, не петух, не воробей, не щегол, не соловей, — тут есть портрет жены моей. Вот я про её расскажу и портрет вам покажу.

— Для молодушек-лебедушек платки, гребешки, расписные петушки! Для красных девушек шпиль-

ки, иголки, булавки, приколки, и белила, и румяна!
— А вот мыльце умыть рыльце! На вид серенько, а моет беленько!

Через полчаса к их прилавку собралось считай всё женское население Шоды — солидные замужние женщины, юные девушки и даже старушки преклонного возраста.

— А вот ситцы богатые, они же миткали, кумач и плис. Мыла пахучие по две гривны за кусок, нелиняющие румяна — молодись, бабка, за пятачок! Камни самоцветные в перстеньках, сами приметят, как жар горят, — громко возвещал Тихонич покупательницам. — Любчики заветные, коль кого надо приворожить!

И вскоре вся эта офенская «музыка» дала свой обильный результат...

Начались рьяные толки баб, вдруг ставших словно бы пьяными. Они вырывали товар из рук друг друга, а из секретных мотков появлялись спрятанные там медные грошики. Две снохи одного тестя расцарапались в кровь за особо пёструю ленту. На одну из них — вострую Феклушку, раскудаhtалась её свекровь. Но потом от неё досталось и самим офеням:

— Принесло же вас, мошейников! Вот уж подлинно напасть! Жадные, как попы-кутейники, из села бы вас колом!

Но это ладно, пустые бабские угрозы, а вот старый Тихонич так божился из-за каждого гроша, что даже привычный ко всякому Ваня ёжился...

«Пропади моя душа... Чтоб тотчас же мои очи лопнули... Чтобы с места мне не встать... Провались я...»

Но это срабатывало, и покупки совершались одна за другой.

«Не торговец, а удивление! — подумал набожный Ваня. — Как ему божиться-то не лень... А вдруг сбудется?!»

И потихонечку, полегонечку офенская ярмарка выдохлась, товар почти весь раскупили, а довольные бабы в новеньких платках разошлись по домам.

Офени ещё немного потоптались, помузицировали, а потом быстро свернулись и тоже пошли своим путем. За селом они остановились и честно поделили барыши...

— Ох-х, славно, Тихонич, ты торгуешься! — сказал напарнику Ваня, перекрестившись на храм. — Что ж не весел?

— В день теперя не отплёешься... Как еще меня Бог прощает? Опять осквернил ложью уста... Но не обманешь, не продашь! — отвечал старый Тихонич, тоже долго крестясь на храм. — Одно надёжит: кабы приходились в строку все речи продавцов, все они давно бы провалились. До единого купца... Сквозь сырую землю-матушку провалились бы... эх-х!

ЭПИЛОГ

И на этом Н.А. Некрасов оборвал рассказ о любви Вани и Катеринушки. Дальше уже не про любовь, а про то, из-за чего поэма была запрещена цензурой, да и сейчас не в обязательной школьной программе.

Если коротко, Ваню и Тихонича на болоте одним выстрелом убил и ограбил лесник Давыд Петров. Взял тысячу рублей, огромную сумму. А Катеринушка... Возможно, она потом нашла себе другого жениха.

Все знают песню «Коробушка», часть поэмы, но редко кто читал произведение Некрасова до конца. Рекомендую всячески!

Михаил Михайлович ВОСТРИКОВ

родился 4 мая 1961 г. в Новосибирске, живёт в Санкт-Петербурге.

Окончил с отличием Дальневосточный политехнический институт (1985)

и аспирантуру Московского института

электронного машиностроения (1991).

Кандидат технических наук.

Член ЛИТО «Не воробей» (Новосибирск).

